

УДК 1 (091)

ВЗАИМСВЯЗЬ АНАЛИТИЧЕСКОЙ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ТЕОРИЙ ПОЗНАНИЯ ПРОШЛОГО¹

А.А. Аванесян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В развитии аналитической и герменевтической традиций осмысления истории обнаруживаются схожие черты. Оба направления развивают идею контекстуальной зависимости понимания прошлого, выявляя особую роль исследователя, который реализует познание в конкретно заданной обстановке современности. В результате утверждается субъективный, изменчивый характер исторического знания, чей эпистемологический статус определяется скорее непосредственной практикой, опытом работы со следами прошлого, чем методически выверенным набором профессиональных приёмов исследования. Герменевтический и аналитический подходы органично сочетаются в предложенной П. Рикёром теории исторического познания, согласно которой опыт бытия во времени должен получить нарративное выражение, чтобы он мог быть понят. В соответствии с этим история рассматривается как конструируемое на основе выразительных средств языка повествование, стремящееся к представлению событий прошлого в их взаимосвязи и последовательности.

Ключевые слова: лингвистический поворот, аналитическая философия истории, герменевтика, исторический опыт, нарратив.

Аналитическая философия истории полагает в центр своего рассмотрения исследование текстовой структуры повествования о прошлом. Беря во внимание такой фундамент, органичным выглядит сближение развиваемых представителями нарративной традиции подходов к осмыслению истории с герменевтикой как учением об интерпретации, постижении текста. Уже Л. Витгенштейн, будучи одним из основоположников аналитической философии, прошёл в рамках своей работы путь от попытки построения логически выверенного, свободного от противоречий и двусмысленностей идеального языка философии к философскому анализу конкретных практик функционирования обыденной речи. Важно отметить при этом тот факт, что подобный поворот в исканиях австрийского мыслителя в некотором смысле был инспирирован самим основанием его раннего труда. На заднем фоне «Логико-философского трактата» подспудно присутствует фигура трансцендентного субъекта, который осуществляет анализ действительности: если дан язык, то должен быть и тот, кто его использует. Человек является неотъемлемой частью мира, но метафизический субъект философии не принадлежит миру, он определяет его границу [10, с. 118], действительность является именно такой, какой её позна-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века» № 17-33-00047.

ет субъект. Таким образом выявляется ключевой пункт витгенштейновских размышлений – невозможность включить философское «Я» в целостность мира наряду с другими фактами действительности, а это в свою очередь означает, что мир никогда не дан для рационального осмысления как всеединство, законченное целое, даже если была бы возможность обозреть аналитическим взглядом все факты, представленные в действительности, за пределами поля зрения всегда остаётся инстанция, обзирающая эту действительность. В конечном итоге целостное постижение мира оказывается принципиально неосуществимо для аналитического метода: «Чувство мира как органического целого есть мистическое» [10, с. 148].

Мистический характер понимания взаимосвязи, слитности микрокосма метафизического субъекта с миром ставит чёткую границу для области возможного применения аналитического языка, оставляя за её пределами безграничный горизонт обыденной речи. Обращаясь к этой проблематике, Л. Витгенштейн, при сохранении своего раннего понимания сущности, целей и задач философии, существенно пересматривает характер применяемого философского метода. В то время как непротиворечивость и однозначность аналитического языка «Трактата» утверждаются в прямой референции слов и пропозиций к фактам внеязыковой реальности и отношениям между ними, в основании чего просматривается корреспондентская теория истины, практическое применение языка в повседневной жизни демонстрирует максимально свободное обращение со значениями слов и их сочетанием. Смысл высказывания в обыденной речи не ограничивается строгой логически непротиворечивой связью с объектами и событиями действительности, а употребляемые слова не обладают однозначностью, скорее выступая в качестве целой совокупности, семейства значений [1, с. 116], которые проявляются в различных языковых играх. Для понимания значения слова не достаточно знать денотат, необходимо также учитывать контекст его употребления. С этой точки зрения ключевой задачей философии, что соотносится с выраженной ещё в «Трактате» идеей философии как деятельности, чья цель – объяснение мысли [10, с. 48], оказывается прояснение языковых игр – борьба против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка [1, с. 127].

В связи с такой позицией меняется и восприятие субъекта, чья роль теперь оказывается ещё более значимой, поскольку именно от личности говорящего зависит способ применения языка. Участником языковой игры не может быть метафизический субъект, а только конкретный человек со всеми его индивидуальными качествами, находящийся в конкретной речевой ситуации. Всё многообразие, богатство языка проявляется в непосредственной практике его использования, которая напрямую определяется социокультурным багажом человека, раскрываясь в идиолектных особенностях. Именно индивидуальное применение в конкретных обстоятельствах представляется в качестве предельной сущности языка. Таким образом, в философии Л. Витгенштейна осуществляется принципиальный сдвиг в восприятии языка, он перестаёт быть, как это подразумевалось «Логико-философским трактатом», набором логических структур и норм, которые необходимо предварительно освоить, чтобы свободно использовать. Теперь сами нормы речевого общения, глубинные структуры языка выводятся на основе их фиксации в практике непосредственного употребления – следование правилу обнаруживается в реальных случаях

его применения [1, с. 163]. Это в свою очередь согласуется с изменчивым характером языка, непрестанно развивающимся на протяжении истории и не требующим для своего изучения окончательного разложения на раз и навсегда заданный, неизменный набор элементарных концептуальных «атомов» [2, с. 76]. Подобный подход стимулирует широкую программу нарративных исследований в рамках аналитической философии, которые ставят в центр внимания изменчивость и многообразие методик изучения, точек зрения и оценок событий в области гуманитарного познания. Так, в частности, П. Уинч, анализируя социальную сферу жизни, приходит к выводу о том, что общественные отношения и институты конституируются практикой их функционирования, которая в свою очередь определяется стратегиями осмысления, духовным опытом общества. Следовательно, и понять их возможно только путём подробного описания их работы [9, с. 109–110]. Гуманитарные дисциплины предполагают изучение таких явлений и процессов, которые вовлекают исследователя в процесс своего становления, в данном случае исключается внешний абстрагированный взгляд, наблюдатель становится соучастником изучаемого процесса, изнутри осваивая предмет и реализуя тем самым его понимание.

Применительно к исторической проблематике лингвистический поворот в полной мере проявил себя в теории познания прошлого, которую выстраивает А. Данто. В соответствии с развиваемой идеей историческое исследование понимается как последовательный рассказ о произошедших в прошлом событиях, написанный исходя из конкретной ситуации настоящего. Временная дистанция, которая отделяет историка от исследуемого им предмета, позволяет в полной мере оценить значение событий, понять их смысл с учётом вызванных последствий [3, с. 177]. Установление каузальных связей между произошедшими событиями становится важнейшей задачей профессиональной истории, решить которую возможно только ретроспективно и только благодаря эпистемологическому потенциалу нарратива. Возможности повествовательного жанра позволяют связать разрозненные и зачастую далеко не в полной мере известные исторические факты в последовательную цепь единого рассказа, сконструировать законченный исторический нарратив, предлагая тем самым собственное объяснение произошедшего. Смысл сингулярного явления, значение единичного события раскрываются только в контексте целостной истории, которую возможно проследить с помощью текста о прошлом. Принципиальным оказывается тот факт, что структура этого текста не выявляется непосредственно в ткани исторического становления, а, строго говоря, создается исследователем. Нарративными средствами формируется сюжет, вокруг которого структурируется фактический материал. Историческое познание оказывается глубоко индивидуальным, субъективным и ситуативным: прошлое предстаёт именно таким, каким его опишет историк, поскольку иного доступа к исторической реальности помимо повествования о ней попросту не существует. Избранная историком стилистика изложения напрямую определяет организацию материала исследования, равно как и его убедительность. Историческое познание заимствует литературные, в основе своей метафорические, средства выражения, что позволяет историку свободно оперировать всеми доступными приёмами для формирования нарративной репрезентации прошлого.

В схожем направлении, хотя и опираясь на несколько иные философские основания, в первой половине XX в. развивается герменевтическая тра-

диция. Принципиальный шаг в этом плане совершает В. Дильтей, осмысляя в рамках академического варианта философии жизни специфику исторического познания. Немецкий философ подходит к этой проблеме через анализ феномена субъективного восприятия времени, которое в августианианском духе описывается в качестве непрерывно длящегося сопряжения прошлого, настоящего и будущего. Прошлое, как и будущее – не обладают независимым от настоящего существованием, они доступны для восприятия только как воспоминание или ожидание каких-либо событий в настоящем. Но и сама ситуация настоящего не остаётся всегда равной себе, меняясь в процессе непрестанного становления. Время проявляет себя в постоянной текучести, изменчивости, которые чутко воспринимаются человеческим бытием. Эта способность улавливать движение становления, проживая некоторый промежуток времени, и формирует предпосылки постижения прошлого. Историческое познание, а вместе с ним и всё гуманитарное знание оказываются фундированы психологией человека, индивидуальными особенностями личности. Понимание прошлого реализуется как вчувствование, переживание исследователем произошедших событий в современном контексте [4, с. 51]. И средством, позволяющим достичь подобного соучастия прошлой реальности, становится текст исторического источника, который в данном случае выступает в качестве своеобразного резервуара законсервированного психологического состояния автора, его эмоций и чувств, мыслей по отношению к описываемым событиям. Задачей историка с этой точки зрения становится истолкование дошедших из прошлого сочинений, попытка восстановить духовный опыт их творцов, а через него и дух времени соответствующей эпохи.

Основополагающие идеи философии жизни продолжает экзистенциальная доктрина истории М. Хайдеггера. В соответствии с выраженным автором «Бытия и времени» взглядом сама возможность истории, её онтологический базис коренятся в бытии человека [8, с. 20]. Время актуально только для человека, а существование человека, в свою очередь, разворачивается во времени: только через осознание временности, конечности *Dasein* возможно осознание бытия. Существование человека исторично в своей основе, оно находится в процессе постоянного развития, становления личности. И осмыслить, понять этот процесс способен только сам человек. Но подлинное постижение становления личности не подлежит, с точки зрения М. Хайдеггера, научному анализу, лишь непосредственное проживание, вчувствование в зов бытия способны раскрыть смысл жизни. Более того, понимание и есть путь реализации, естественный способ экзистенциального становления человека [8, с. 143]. Подлинная история – история личности, она проживается, а её постижение произвольно, естественно и не должно искажаться каким-либо методически выверенным исследовательским аппаратом. Только герменевтически натренированное сознание способно осуществить подлинную интерпретацию становления личности, а вместе с тем и истории. Всемирная история оказывается вторичной, выводимой по аналогии с индивидуальной историей, что делает её неизбежно искажённой, отчуждённой, она не может быть подлинно понята, прочувствована, поскольку единственным способом представить историю человечества остаётся философское умозрение, спекулятивное построение обобщающей модели. Предложенная теория познания оказывается принци-

ально субъективной, личностной и ситуативной, напрямую завися от индивидуальных особенностей исследователя.

Герменевтическую концепцию исторической методологии в дальнейшем развивает Х.-Г. Гадамер. Характерен тот факт, что независимо от Л. Витгенштейна (на протяжении всего фундаментального труда «Истина и метод» автор единожды упоминает австрийского философа в послесловии, касаясь проблемы определения онтологического статуса феномена игры) классик герменевтики утверждает контекстуальную зависимость познания прошлого. Единственным способом постичь прошлое представляется анализ сохранившихся сведений – документов, что требует построения соответствующего эпистемологического аппарата. Х.-Г. Гадамер подходит к решению этого вопроса через детальное исследование практики интерпретации текста. Фундаментальной особенностью процесса понимания оказывается некоторого рода преднастроенность, предпонимание, с которым человек обращается к прочтению документа. Понимание развёртывается в соответствии с хайдеггеровской трактовкой герменевтического круга как движения от первоначального приблизительного взгляда к всё более глубокому постижению смысла. Особое внимание при этом Гадамер уделяет взаимосвязи первоначального предпонимания с индивидуальным складом личности, предрассудками и нерелексируемыми комплексами представлений, которые формируются в процессе взросления и социализации и в конечном итоге характеризуют человека как представителя своего времени и общества [7, с. 281]. Тем самым в рамках герменевтики историзируется субъект познания: прошлое познаётся исследователем, который сам органически вовлечён в процесс исторического становления. Историческое познание оказывается прочно укоренено в герменевтической ситуации настоящего, а значит, естественным образом меняется с течением времени. Именно конкретный контекст современной общественной обстановки формирует платформу понимания прошлого, определяя исследовательский интерес, актуальную проблематику и методический инструментарий работы историка. Подобное видение предполагает множественность подходов, плюрализм точек зрения и оценок произошедших событий, изменчивость взгляда на прошлое, равно как и отказ от попыток целостного охвата всей истории становления человечества [7, с. 203].

Изменчивое прошлое познаётся в рамках самого процесса становления, историк не может вырваться из потока течения времени, что определяет значение временной дистанции, отделяющей исследователя от изучаемого предмета. История в некотором роде сама оказывает существенное влияние на понимание прошлого. Подходя к решению какой-либо исследовательской проблемы, историк в первую очередь анализирует труды своих предшественников, историографию, в свете которой явления прошлого и проявляют себя в современности. По сути, промежуток времени между событием и исследователем оборачивается непрерывной традицией осмысления, историческим горизонтом, благодаря которому возможно восприятие объекта познания [7, с. 302]. Прошлое проявляет себя исключительно как представление, взгляд назад с позиции сегодняшнего дня, а эта позиция, в свою очередь, со временем также неизбежно уходит в прошлое. Историческое познание предстаёт бесконечным диалогом, в который включается каждое конкретное исследование, и невозможно себе представить, что в этом научном диспуте может быть сказано

заключительное, единственно верное слово. Сам предмет исторического познания существует только в контексте исследования о нём, иного доступа к нему помимо текста нет, что для Х.-Г. Гадамера означает отрицание противоположности истории-процесса и истории-познания, прошлого и науки, посвящённой его изучению [7, с. 287]. Исследование прошлого в этой трактовке оказывается не столько научной дисциплиной, сколько опытом взаимодействия историка с присутствующими в современности следами былой действительности. Только непосредственная практика работы с источниками, опыт их изучения и интерпретации определяют эпистемологический потенциал исторического познания.

Развивавшиеся по схожему пути, но фактически параллельно друг другу герменевтическую и аналитическую линии осмысления истории объединяет в своей программе познания прошлого П. Рикёр. Продолжая герменевтическую традицию, французский философ в качестве фундаментальной предпосылки, задающей саму возможность исторического познания, рассматривает способность человека к восприятию времени. Именно «внутривременность» бытия, сопричастность к процессу становления и уникальное умение проследить движение времени закладывают мировоззренческую платформу осмысления феномена истории. Человек способен запоминать прошлое, и в первую очередь своё собственное прошлое. Память, рассматриваемая как возможность оперировать со временем, оказывается необходимым условием формирования личности, поскольку позволяет человеку осознавать себя тем же самым, несмотря на переживаемые изменения. На протяжении жизни каждый индивид неизбежно меняется, проходя только ему лично принадлежащий путь становления, и единственным, что при этом позволяет сохранить понимание своей идентичности, оказывается опыт воспоминания о себе в прошлом. Постигание себя меняющимся во времени, мысленное сохранение прошлого себя как того, кем индивид когда-то был, но уже не в полной мере является таковым, конституирует самосознание, а вместе с тем и бытие человека. Память формирует самоидентичность личности, но можно ли быть уверенным, что человек всегда в точности запоминает происходящее, есть ли гарантия, что воспоминания не будут искажены? Фактически человек представляется себе таким, каким он себя описывает. П. Рикёр использует понятие нарративной идентичности, что требует определённой рефлексивной работы с данными памяти, критики хранимой в ней информации [6, с. 45]. Самосознание оборачивается повествованием, рассказом человека о себе, что, по сути, означает написание истории личности. Каждый человек обладает опытом создания своей индивидуальной истории: отталкиваясь от хайдеггеровского понимания временности бытия человека, П. Рикёр утверждает необходимость нарративного выражения этого опыта существования во времени. Для того чтобы личность могла быть понята как для самого человека в форме самосознания, так и в интеракции между людьми, о ней нужно рассказать, человеку необходимо составить самописание.

В соответствии с выстроенной моделью нарративной идентичности, по мнению французского философа, функционирует и история общества. Так же как индивидуальная память находит своё выражение в самописании, опыт коллективной памяти формализуется в виде оставшихся от прошлой реальности свидетельств. Задачей профессиональной истории является критический

анализ сохранившихся источников информации, результатом чего неизменно оказывается исторический нарратив, повествование о прошлом. Развивая собственную программу исследования нарративной структуры исторического повествования, П. Рикёр проводит сравнение с литературой. По своей форме историческое исследование не отличается от художественного произведения, не обладая специфическими средствами выражения. Структуру повествования о прошлом, по сути, формирует литературный сюжет, интрига, прослеживание которой позволяет объяснить и понять взаимосвязь событий. Ключевым отличием научного исследования от литературного творчества оказываются неустранимая, составляющая самую суть исторического познания интенция к прошлому, стремление восстановить соответствующий действительности ход событий. В этом смысле осуществляется перекрёстная референция между художественной литературой и историей: литература заимствует у исторической «референции по следам» динамизм рассказа о реально случившемся, маскируя вымысел за лексикой прошедшего времени, а история в свою очередь заимствует метафорические тропы литературы, используя воображение для реконструкции произошедших событий [5, с. 100]. Нарративная структура исторического текста оказывается не просто формой представления результатов исследования, но полноценной и самостоятельной познавательной стратегией, в рамках которой объяснение фактов реализуется путём выстраивания сюжета, сопряжения разрозненных событий в единую последовательно развивающуюся систему при помощи установления причинно-следственных связей.

Принципиальной основой утверждаемой таким образом эпистемологической модели оказывается признание прочной, неустранимой взаимосвязи между прошлым и настоящим. Современность является прямым продолжением прошлого состояния. Точно так же как различные возрастные периоды человека рассматриваются в качестве последовательных стадий развития бытия, прошлое, настоящее и будущее выступают в качестве взаимосвязанных временных регистров единого процесса становления. Взятые по отдельности категории прошлого и настоящего не могут быть исчерпывающе точно определены, только в их взаимодействии, постепенном перетекании одного в другое проявляет себя феномен времени. Прошлое не заканчивается с наступлением современности, между ними нет чёткой демаркационной линии, оно скорее сохраняется в настоящем в виде следов, остатков прошлой реальности, из которых историки способны извлечь сведения. Исторические источники осуществляют связь между настоящим и прошлым, но возможно это оказывается постольку, поскольку они, будучи вырваны из контекста времени своего создания, присутствуют в современности и являются частью современной действительности, что делает затруднительным их понимание. Источник должен быть осмыслен как знак, отсылающий к прошлому, чтобы он мог реализовать потенциал связующего звена [6, с. 589–590]. Документ не отражает событие напрямую, но содержит информацию, которая может помочь историку реконструировать его. Функционирование источника сведений, таким образом, зависит от способа его использования, от критического анализа, которому он подвергается в процессе изучения – документ очерчивается вопрошанием [6, с. 250]. В конечном итоге, только если ученый включает какой-либо осколок прошлого в контекст своего исследования, он становится источником необходимой информации. Прошлое прочно связано с современностью, но понима-

ние прошлого не детерминировано этой связью, постижение случившегося возможно только в рамках конкретных интерпретаций, реализуемых в исторических нарративах. Постигание прошлого фундаментально открыт, изменчивый процесс, неустранимыми особенностями которого являются многообразие подходов, точек зрения и постоянные дискуссии относительно предмета исследования.

В рамках англо-американской традиции аналитической философии истории проявляются черты, сближающие её с континентальной герменевтической доктриной осмысления исторического познания. Отталкиваясь от различных философских оснований, эти направления формулируют сходные концепции исследования прошлого, отличительными особенностями которых оказывается контекстуальная зависимость, изменчивость, субъективность работы историка, выявление особой роли исторических источников, допустимость различных точек зрения, принципиальной множественности вариантов описания событий прошлого. Подобная близость позволяет П. Рикёру органически сочетать элементы и герменевтической, и аналитической философии в рамках своей теории. Предпосылкой познания прошлого при этом мыслится опыт бытия во времени, умение проследивать изменчивость, становление как индивидуальное, так и общественное. Этот опыт постигается герменевтически, в процессе жизнедеятельности, но требует нарративного выражения для своего дальнейшего функционирования, объяснения и возможности обсуждения на интересубъективном уровне. Историческая наука предстаёт как своего рода практическое знание, приобретаемое благодаря опыту взаимодействия с прошлым в ситуации настоящего.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 75–321.
2. Вригт Г.Х. фон. Аналитическая философия: историко-критический обзор // Кантовский сборник: науч. журн. 2013. № 2 (44). С. 69–82.
3. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
4. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Собр. соч.: в 6 т. М.: Три квадрата, 2004. Т. 3. 413 с.
5. Рикёр П. Время и рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. 313 с.
6. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
7. Gadamer H.-G. Hermeneutik I. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik // Gesammelte Werke. Bd. 1. Tübingen: Mohr Siebeck, 1990. 495 s.
8. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1967. 449 s.
9. Winch P. The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy. London: Routledge. 1990. 160 p.
10. Wittgenstein L. Logisch-philosophische Abhandlung. London: Routledge & Kegan Paul. 1961. 200 p.

ON THE RELATIONS OF ANALYTICAL AND HERMENEUTICAL THEORIES OF THE PAST COGNITION

A.A. Avanesyan

Tver State University, Tver

In the development of analytical and hermeneutic traditions of understanding history, similar features are revealed. Both trends develop the idea of contextual dependence of the understanding of the past, revealing the special role of the researcher, who produces knowledge in a specific contemporary environment. As a result, the historical knowledge is interpreted as subjective, changeable in its nature, and its epistemological status is determined rather by direct practice, experience from the acquaintance with traces of the past than by rigidly followed set of professional procedures and methods of research. Hermeneutical and analytical approaches are organically combined in the theory of historical cognition proposed by P. Ricoeur, according to which the experience of being in time should find a narrative expression in order to be understood. Thus, history is considered as constructed on the basis of expressive means of the narration language, seeking to represent the events of the past in their relationship and order.

Keywords: *linguistic turn, analytic philosophy of history, hermeneutics, historical experience, narrative.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артем Александрович – кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: timmmyyy@ro.ru

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich – PhD, research fellow of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: timmmyyy@ro.ru